

своего времени. Будучи обладателем уникальной по составу и огромной по количеству книг и рукописей библиотеки, известной как «Либерея» или «Библиотека Ивана Грозного», царь был активным читателем этого выдающегося книжного собрания, а не «примитивным коллекционером» редчайших книг [7, с. 22–23]. Он по праву считается одним из глубоких знатоков Священного Писания и трудов по философии, причем, не только для своего времени! Это был в высшей степени религиозный человек, что ярко проявилось и в истории Чебоксар, которым предстояло стать чем-то бóльшим, нежели рядовым военно-торговым поселением края.

Подвижнический труд большого числа людей: от государственных мужей и отцов церкви до рядовых участников важнейших исторических событий нашего Отечества не должен быть стерт из памяти народной и не может зависеть от конъюнктурных соображений. Устанавливать памятники в честь знаковых для истории событий – древняя и достойная уважения культурная традиция. Все они от величественных монументов до скромных памятных знаков есть выражение благодарности потомков за понесенные труды наших предков. Бесспорно, личность первого русского царя Иоанна Васильевича – знаковая фигура и для Чебоксар, и для Чувашии в целом. В год празднования 550-летия города и в преддверии 100-летнего юбилея Чувашской Республики, на мой взгляд есть необходимость рассмотреть вопрос об увековечении памяти этого выдающегося государственного деятеля в Чебоксарах.

Список источников и литературы

1. Полное собрание русских летописей, изданное по Высочайшему повелению Императорское археографическою комиссиею. Т. 13. Первая половина. VIII. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновской летописью. – СПб: Типография И.Н. Скороходова, 1904.
2. Градовский А. Д. История местного управления в России // Собр. соч. Т. 2. – СПб, 1899.
3. Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской Империи. Том. I. – СПб.: Тип. II Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1836.
4. Мордвинова, А. И. Введенкий собор города Чебоксары / А.И. Мордвинова. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2009.
5. Малинин В. А. Русь и Запад. – Калуга: Издательство Н. Бочкаревой, 2000.
6. Боханов А. Н. Царь Иоанн Грозный. – М.: Издательство «ФИВ», 2013.
7. Зарубин, Н. Н. Библиотека Ивана Грозного : Реконструкция и библиографическое описание / Сост. Н.Н. Зарубин; Подгот. к печати, примеч. и доп. А.А. Амосова. – Л. : Наука : Ленингр. отд-ние, 1982.

УДК 929.6(470.344)

Ткаченко В.Г.

кандидат исторических наук,
доцент кафедры государственного и муниципального управления,
Чебоксарский филиал РАНХиГС, г. Чебоксары

К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ СИМВОЛИКИ ГЕРБА ЧЕБОКСАР 1781 ГОДА

В статье исследуются вопросы происхождения символики герба Чебоксар 1781 года, а также проблемы его преемственности и использования в современных условиях.

Ключевые слова: А.А. Волков, геральдика, герб, город, Екатерина II, Казанская губерния, Чебоксары, Чувашская Республика, Э.М. Юрьев.

TO THE QUESTION ABOUT THE ORIGIN OF THE SYMBOLISM OF THE COAT OF ARMS OF CHEBOKSARY 1781

The article examines the origin of the symbolism of the coat of arms of Cheboksary in 1781, as well as the problems of its continuity and use in modern conditions.

Key words: A.A. Volkov, heraldry, coat of arms, city, Catherine II, Kazan province, Cheboksary, Chuvash Republic, E.M. Yuriev.

На протяжении ряда лет не утихают дискуссии по поводу герба Чебоксар: какой из существующих – 1781 г. или 1969 г. – должен олицетворять столицу республики. Предпринимаются даже попытки «адаптации» герба «к современным реалиям», которые по своей сути являются его новой версией [1]. Причина неутраченных споров – в отказе в регистрации Геральдическим советом при Президенте Российской Федерации символа города, разработанного Э.М. Юрьевым, поскольку герб, дарованный Чебоксарам Екатериной II, никто не отменял, а практика его использования была лишь приостановлена в советское время. Кроме того, в июне 2019 г. исполняется не только 550 лет городу, но и 50 лет со дня принятия Чебоксарским городским Советом депутатов трудящихся решения об утверждении ныне используемого геральдического символа. Все это «подогревает» общественный интерес не только к истории возникновения герба Чебоксар, но и происхождению его символики.

Появлению и утверждению системы городских гербов в Российской империи предшествовал ряд важных событий. Прежде всего, необходимо указать на реформы административно-территориального деления государства 1708 и 1719–1720 гг. В результате первой из них страна была поделена на 8 губерний, в число которых входила и Казанская. К их административным центрам – губернским городам – были приписаны городские поселения, ставшие, в свою очередь, центрами уездов. Так, будущие муниципальные образования современной Чувашской Республики города Алатырь, Цивильск, Чебоксары и Ядрин с уездами были приписаны к Казани. После второй – количество губерний увеличилось до 11. В их числе появилась Нижегородская губерния, куда вошли Алатырь, ставший центром провинции, и приписанные к нему города Курмыш и Ядрин, а Цивильск и Чебоксары остались в Казанской губернии в составе Свияжской провинции [2, № 3380, с. 709, 710].

Важной предпосылкой появления городских гербов стало распределение русской армии, победоносно завершившей Северную войну, по губерниям с возложением на них содержания расквартированных здесь полков. При этом полки стали именоваться по месту своей дислокации. В дальнейшем это обстоятельство предопределило использование изображений городских гербов на полковых знаменах. Так, на докладе Военной коллегии «О именовании полков по провинциям, где квартировать будут; о подписывании патентов Обер-офицерам; о конфирмации и учинении экзекуций по кригсрехтам; о предоставлении права полным Генералам производить в Обер-офицеры и давать отставку от службы и о почитании знатными дворянами людей достойных» от 11 ноября 1724 г. Петром I были наложены следующие резолюции: о наименовании полков – «Когда все полки действительно квартиры примут, тогда всех именовать по провинциям тех квартир»; в отношении использования гербов на полковых знаменах – «Где есть гербы, оные иметь; а где нет, новые надлежит учинить гербы» [3, № 4589, с. 360]. Последнее указание было

подтверждено определением Военной коллегии уже после смерти Петра – 17 июня 1725 г. Им, в частности, предписывалось: «А коим провинциям по гербовнику гербов нет, а полки в те провинции расположены ж, и о учинении оных гербов и о присылке в Военную коллегию послать к герольдмейстеру промеморию» [4, с. 54]. Однако на данном этапе Цивильск, Чебоксары и Ядрин, будучи центрами уездов, а не провинций, в число претендентов на гербы не попали.

Именно в данный период были заложены основы российской геральдики. Решающую роль в этом сыграл приглашенный Петром I в Россию «для отправления геральдического художества» граф Франциск Санти. Он полагал, что городской герб должен в своем рисунке отражать хозяйственную деятельность города, его место в политической жизни государства, территориальные и природные особенности, исторические события, наложившие отпечаток на его развитие. Им же был обозначен круг сведений, необходимых, по его мнению, для составления гербов и разработана для рассылки по городам империи анкета, которая включала следующие вопросы: 1) «сколь давно и от какого случая или причины и от кого те города построены, каменные или деревянные или земляные, и от каких причин, какими именами названы, которых языков и в тех языках те речения не знаменуют ли какого собства»; 2) «и каждою из тех мест каких родов скоты, звери и птицы всем имена, а особливо где есть род какой партикулярной»; 3) «и самые те места гористыя или равныя, болотныя ли или сухия, степныя ли или лесныя и плодови-тым древам партикулярным наипаче какой род»; 4) «какова хлеба в котором месте болши родитца»; 5) «и те города на морях или на каких озерах или реках и как их имянования и в них каких родов партикулярных наипаче рыб обилие бывает»; 6) «и огородных и полевых и лесных овощей и всяких трав и цветов чего где болши родитца»; 7) «и в которых местах какие народы живут русския ли или татарския или иной какой нации и какова звания»; 8) «и которой город взят осадою или войною (здачею или добровольным подданством, сочинением или установлением мира) или иными какими случаями, какия возможно сыскати...» [5, с. 52].

Предложенные Ф. Санти принципы создания гербов в дальнейшем широко использовались геральдическим ведомством Российской империи.

Еще одной предпосылкой стал сенатский указ от 10 августа 1724 г. «О сделании во всех присутственных местах для запечатывания судных дел печатей», согласно которому «как в Полицейских Канцеляриях, так и в Надворных Судах и во всех судебных местах сделать печати, а именно: в Губерниях и провинциях и в городах, которые имеют герб, на тех вырезать тех городов гербы, а которым нет, то нарисовать приличные вновь в Герольдмейстерской Конторе, и с оных отослать те рисунки для розсылки во все судебные места в Юстиц-Коллегию; и для того всей Российской Империи прежним гербам рисунки взять в ту Герольдмейстерскую Контору из Иностранной Коллегии» [6, № 4552, с. 341].

В связи с этим следует упомянуть, что в Чебоксарах по меньшей мере с 1725 по 1751 г. местными органами государственного управления использовался герб Казанский. Так, в росписном списке, составленном 24 декабря 1751 г. при смене чебоксарского воеводы Федора Шахмаметева и «правлящаго воеводскую должность» Дмитрия Кайсарова вновь определенным на их место князем Алексеем Алексеевичем Путятиным указано: «При Чебоксарской же канцлярии имеетца <...> 725 году пять клеем, которыми клеимили заповедной лес. Клеимо ж Казанского гербу» [7]. Однако позднее в географической анкете Сухопутного кадетского шляхетского корпуса, заполненной Чебоксарской воеводской канцелярией 31 декабря 1761 г., сообщалось: «А какой город Чебоксар герб имел и не был ли город осажден, от кого разорен или мужественно оборонялся, о том известия не отыскано и обыватели никто не запомнят» [8, с. 309].

Наступившая эпоха царствования Екатерины II стала одной из самых плодотворных в развитии отечественной геральдики. Около 400 гербов российских городов было создано и утверждено в это время. Пик герботворчества пришелся на рубеж 1770–1780-х годов, когда во главе Герольдии стоял Александр Андреевич Волков [9, с. 113]. Именно в этот период Чебоксары, а также Цивильск, Ядрин и Алатырь входившие тогда в состав Казанской и Симбирской губерний, обрели свои городские символы.

Необходимо отметить, что бурная деятельность А.А. Волкова на геральдическом поприще получила весьма нелестную оценку известного отечественного правоведа А.В. Лохвицкого, который в своем исследовании «Губерния, ее земские и правительственные учреждения» писал: «Екатерина II перенесла к нам средневековое западное установление гербов, выросшее из рыцарства. Она предписала сенату дать гербы всем городам и губерниям. Открылось обильное поприще для фантазии тогдашнего герольдмейстера Волкова. Он их сочинял десятками за один раз, щиты делал очень богатые – золотые, серебряные, лазоревые, – а для герба избирал какой-нибудь остаток древности, <...> или предмет местного произведения, часто просто какую-нибудь вещь, название которой было созвучно с названием города» [10, с. 99].

Возможно, для подобного сарказма могли быть определенные основания. Однако эта категоричность диктует слишком упрощенный подход в оценках результатов проделанной в то время работы по формированию системы городской геральдики России.

Исследуя основные тенденции ее исторического развития, Е.В. Пчелов обозначил общие особенности, характерные для гербов данного периода: «Почти все они состоят из одной фигуры (эмблемы) и из одного поля (имеется в виду поле собственно городским гербом; благодаря И.И. фон Эндену возникла традиция двучастного деления герба уездного города, в котором первую часть занимал герб губернский; практически все они понятны и имеют очевидное объяснение в описании; почти все изображают, буквально показывают то, что описано, т.е. представляют собой картинку – чисто символические изображения в них единичны». В качестве отличительных черт этих гербов он также отмечает их простоту, доступность для понимания и абсолютную деидеологизированность» [9, с. 113].

В зависимости от семантики гербов Е.В. Пчелов выделил четыре основных их типа 1) гербы гласные, отражающие название города (причем независимо от их реальной или фиктивной этимологии); 2) гербы, отражающие природные особенности городской округи; 3) гербы, отражающие занятия жителей, в том числе хозяйственную жизнь; 4) гербы, отражающие историю города и его достопримечательности [9, с. 111].

Проведенный им анализ городской геральдики екатерининской эпохи рисует следующую картину. Больше всего в этот период было создано гербов, рассказывающих о занятиях жителей. Далее шли гербы, отражающие природные условия, и гласные, которых оказалось в два раза меньше, чем предыдущих. Наименьшее количество гербов было связано с историей и достопримечательностями – в два раза меньше, чем гласных и «природных». Этот факт автор объясняет установкой, данной Герольдией при составлении гербов: обозначать в них «обстоятельства и промыслы» соответствующих городов. В итоге промыслов получилось больше, чем природных «обстоятельств», а природных «обстоятельств» больше, чем исторических [9, с. 114].

Что же известно о занятиях чебоксарцев и какие достойные внимания факты, события или достопримечательности могли быть увековечены в гербе города?

В упоминавшейся выше географической анкете Сухопутного кадетского шляхетского корпуса Чебоксарская воеводская канцелярия приводит следующие сведения: «В городе Чебоксарех у купечества имеютца промыслы, а именно: у пер-

востатейных знатных точию у немногих людей покупка сыренных скотских кож, и оные на своих кожевенных заводах переделывают в красную юфть, покупка ж салу, и оное переплавливают и заливают в лагуны, покупка ж воску. И оные три товара отпускают для продажи к порту в Санктпитебург. Имеют же как первостатейные, тако ж и средние купцы покупку хлебную, то есть ржаную муку и рожь и перемалывают рожь в муку из найма на партикулярных и казенных мельницах. И <...> с пристаней тот хлеб продают приезжающим из разных верховых городов купцам, которые тот покупной хлеб отпускают вверх Волгою рекою в судах до разных верховых городов. <...> Народ в Чебоксарех упражняетца молярным, медным, то есть котелным и бронным, оловянным, ис коего делают домовую мелочную посуду, рукавишным, сапожным, портным, кузнечным, столярным, литьем колоколов да кирпичным ремеслами. Ис коих болше в колоколенном, кузнешном, рукавишном и сапожном ремеслах упражняютца, которые и в лутчем состоянии находятца. <...> А зверей по лесам водитца в больших – медведи, волки, лисицы, куницы и зайцы, а в малых – волки и зайцы, а других не водится, тако ж птицы тетеревы, ряпчики, утки (выделено мной – В.Т.)» [8, с. 310–311].

Развитие кожевенного производства подтверждает в своих записках под 1760 годом и Г.Р. Державин [11, с 29–31].

Возглавлявший в 1763–1765 гг. экспедицию «для осмотру и описанию в Казанской губернии дубовых лесов» подполковник А.И. Свечин относительно занятий местных жителей указывал: «Купечества 1099 душ, весьма богатое, распространяющее торги свои пред прочими с великими себе прибытками <...>. Главной торг отпускают к порту юфти, сало, воск, всякий хлеб, мед. Написанных в цех 649 душ, имеют художества медническое, оловенишники, колоколники, столярное, портное, сапожное и прочих в разсуждении сего города довольно и многолюдное». Описывая Чебоксары, он сообщал: «Виду весьма веселаго и красиваго, для содержания пчел, свиней удобное, дубовыми твердаго качества лесами изобилующее» [8, с. 313]. Отмечу, что сведения, собранные А.И. Свечиным, получили весьма высокую оценку Екатерины II и Сената. Причем во время пребывания в Чебоксарах в 1767 году «Государыня Императрица ездила за город осматривать дубовые рощи, принадлежащие для кораблестроения адмиралтейству» [12, с. 45].

В специально составленном в Географическом департаменте Академии наук и изданном в 1767 году атласе «Географическое описание реки Волги от Твери до Дмитриевска для путешествия Ея Императорского Величества по оной реке» имеется следующее описание занятий жителей Чебоксар: «Купечество торгует юфтью, воском и хлебом, и отправляют все оное рекою Волгою. Из ремесленных людей находятя живописцы, медники, кузнецы, а наиболее колокольники» [13, с. 11].

Таким образом, литье колоколов, которыми Чебоксары славились в Поволжье [14], металлообработка, кожевенное производство (красная юфть пользовалась высоким спросом в Западной Европе и Азии), а также лесные богатства вполне могли претендовать на место в гербе.

И все же символом города стали «пять летящих, в золотом поле, диких уток в знак того, что в окрестностях сего города оных очень обильно» [15, № 15260, с.290].

Так что же реально могло послужить основанием для происхождения символики герба Чебоксар? Ответ, возможно, кроется в записках побывавшего в городе в 1715 г. английского путешественника Дж. Белла, который оставил следующую запись о здешних местах: «<...> Соколы, ловимые в этой стороне, сильнее и лучше всех на свете. Турки и персияне весьма их превозносят и покупают дорогою ценою. Русские редко берут их из гнезда и предпочитают молодым старым, которых приучают они ловить лебедей, гусей, журавлей и цапель. Татары же употребляют их для ловли сайг и зайцев. Я сам однажды видел, как такой сокол выхватил из воды дикую

утку несмотря на то, что она была совершенно вся в воде и выставила один только нос. Есть соколы белые, как голуби. Ловят соколов самым простым способом: на берегу реки, на высоком и открытом месте, ставят длинный шест и растягивают около него сеть, под которую сажают на привязи множество мелких птичек. Охотник подергивает за привязки, и птички начинают биться и попархивать. Сокол, заведев их, садится на шест и потом оттуда стремительно бросается, не подозревая опасности. Охотник тотчас затягивает сеть и получает птицу» [16, с. 14–15].

Каким же образом эти записки, написанные за 66 лет до утверждения городского герба, могли повлиять на выбор его геральдического символа? Ответ на этот вопрос кроется в одной важной детали: книга Дж. Белла была издана в России Императорской Академией Наук в 1776 г., то есть всего за пять лет до высочайшего утверждения чебоксарского герба, и не могла остаться незамеченной современниками, в том числе, возможно, А.А. Волковым или его помощниками.

К сказанному можно добавить, что в различных архивных документах имеются указания на наличие в Чебоксарах особой категории служилых людей – птичьих помытчиков, в чьи обязанности входило ловить и помыкать (или помыскать) ястребов, соколов и кречетов. Согласно пятой ревизии в конце XVIII века в Казанской губернии числилось 102 кречетых и соколых помытчиков, из них 40 – в Чебоксарах. В среднем это было в 2–3 больше, чем, например, в Казани (19), Козьмодемьянске (16), Свяжске (10) и селе Сундырь (17). А всего по России их общее число достигало 1205 душ мужского пола [17].

Интересно, что согласно именному указу от 9 марта 1800 г. «Об обращении состоящих по разным губерниям соколых помытчиков в Дворцовые крестьяне», данному Сенату, состоящие по разным губерниям соколы помытчики, «исключая помыкающих кречеты Казанской губернии 102 душ», было велено обратиться в дворцовые крестьяне с обложением их податями и подчинением ведомству Казенных Палат наравне с прочими казенными поселянами. При этом кречетьи помытчики в Казанской губернии были оставлены «на прежнем основании» [18, № 19315, с.70]. Таким образом, и к началу XIX века Чебоксары сохраняли за собой статус своеобразной «столицы» птичьего промысла.

Однако возникает резонный вопрос, почему «соколы, ловимые в этой стороне» и считавшиеся «сильнее и лучше всех на свете» городским символом так и не стали? Вряд ли мы сможем получить четкий и однозначный ответ на него, но определенные предположения имеют право на существование.

Как отмечает Е.В. Пчелов, «в период Московского царства, возможно, уже начиная с эпохи Ивана III, соколиная охота стала важным явлением придворной жизни русских государей. При этом он ссылается на В.В. Иванова, который на основе новых археологических материалов указывает на тесную связь символики соколиной охоты со статусом правителя и, что особенно важно, «*эта охота, по-видимому, имела не просто статусную функцию, но и выполняла роль своего рода легитимации, когда правитель (царь) оказывался тем самым повелителем не только мира людей, но и мира животных (в данном случае птиц)*» (выделено мной – В.Т.). То есть ключ к разгадке вероятно кроется в самой символике сокола, который «ассоциировался с царской властью и царскими занятиями» [19, с. 18].

Уездные Чебоксары, хотя и переживали во второй половине XVIII столетия один из лучших периодов в своей истории (вспомним знаменитый пассаж Екатерины II: «Чебоксар для меня во всем лучше Нижнего Новгорода»), все же претендовать на «ассоциацию с царской властью» не могли. Таким образом, символом герба стало не средство царской охоты – сокол, а ее объект – утки. При этом намек на субъекта охоты – самодержца – мог бы угадываться в золотом поле щита. Так, по наблюдению Е.В. Пчелова в символике регалий российских государей «именно

золотой (а совсем не красный) цвет занимал самое высокое место в символической иерархии цветов, обозначая сакральный характер своего «носителя» [20, с. 141].

Могло ли это повлиять на выбор поля для щита чебоксарского герба? Анализ 202 гербов, высочайше утвержденных императрицей в 1781 году в качестве городских символов показывает, что в чистом виде из металлов золотое поле щита использовалось 42 раза, серебряное – 40. Из финифтей лидером оказалась лазурь – 46 гербов, за ней следует зелень – 32 герба, далее: червленый – 29, чернь – 3 и пурпур – 1, еще в двух – горностаи. Остальные представляют собой сочетание металлов и финифтей.

В блазоне гербов с золотым полем щита в 23 случаях речь идет об обилии произрастающих в данной местности каких-либо плодов, деревьев, растений (13) или богатстве животного мира (10), а с серебряным полем – в 26 (соответственно 14 и 12). Причем, изображение птиц использовалось одинаковое количество раз – 5 и 5.

Необходимо также указать, что растительный и животный мир других городских поселений в неменьшей степени представлен и в щитах, покрытых финифтями.

Нельзя не отметить одну интересную деталь: у герба Чебоксар имелся «двойник» – герб города Землянка Воронежского наместничества, утвержденный за месяц до чебоксарского. Только вместо уток в нем были помещены «пять летящих перепелок в золотом поле, каковыми птицами город сей весьма славится» [13, № 15237, с. 273].

Таким образом, какая-либо связь золотого поля щита чебоксарского герба с монаршими особами не прослеживается. При всем множестве толкований символическое значение золота включало также и богатство. Собственно изобилие связано с зеленой финифтью. Для сравнения, из 32 утвержденных в 1781 году гербов, имевших зеленое поле, 10 означали богатство растительного мира, 7 – животного, еще 5 – земледелие и 1 – хлебную торговлю в связи с обильным произрастанием злаков и трав.

В заключение позволю высказать некоторые соображения по существу проблем, связанных с выбором какой-либо из версий герба в качестве геральдического символа города.

Итак, позиция Геральдического Совета при Президенте Российской Федерации в вопросе о гербе Чебоксар предельно ясна: герб, высочайше утвержденный в 1781 году, должен быть сохранен. Как же быть в этом случае с гербом 1969 года? Действительно в нынешних условиях к нему есть вопросы, которые, по мнению современных специалистов, не позволяют провести его официальную регистрацию в Государственном геральдическом регистре Российской Федерации. Причем вопросы, которые даже не возникали 50 лет тому назад! Кто возьмет на себя смелость «задним числом» упрекать поколение 1960-х годов в «нарушении» геральдических правил в условиях действовавших в то время идеологических догматов, когда само возрождение отечественных геральдических традиций, мягко говоря, не приветствовалось? Убедить власти в необходимости иметь свой геральдический символ в известной степени можно назвать гражданским подвигом. Но дело не только в этом. По своей значимости утверждение в 1969 году герба Чебоксар – событие гораздо более глубокое, чем это может показаться на первый взгляд. Оно имело судьбоносный характер для всей республики, так как открывало возможность не только для возрождения гербов древних городов Чувашии – Алатыря, Цивильска, Ядрина, но и способствовало появлению подобных символов у населенных пунктов, никогда ранее их не имевших. Для республики 1969 год – это рождение муниципальной геральдики Чувашии. Этот герб стал заметным явлением в отечественной геральдике советского периода. Он прочно вошел в повседневный городской быт, стал неотъемлемой частью его облика на протяжении половины столетия, прочно ассоциируется с современными Чебоксарами.

Можно ли с учетом сказанного отказаться от этого герба? Ответ может быть только один – нет! И дело здесь не только и не столько в чем-то «предубеждении».

Как бы высокопарно это не звучало, нравственным долгом всех горожан и муниципальной власти является сохранение памяти о Почетном гражданине Чебоксар – Элли Михайловиче Юрьеве. Эта память не может выражаться только в захоронении выдающегося сына Чувашии в почетном ряду мемориального кладбища и установлении достойного памятника на его могиле. В первую очередь это касается наследия художника. Перечеркнув, по сути, его вклад в историю города, в становление современной геральдики Чувашии, мы вольно или невольно отказываем ему в праве носить это высокое звание.

В связи с попытками «адаптации» герба (очевидно 1781 года?) «к современным реалиям» зададимся вполне логичными в данной ситуации вопросами: сколько таких «современных реалий» ждет город в будущем; не появится ли у последующих поколений чебоксарцев желание адаптировать герб по своему разумению; не рискуем ли мы, создавая подобный прецедент, оказаться его заложниками в дальнейшем; не возникнет ли у очередного поколения геральдистов Чувашии соблазна оставить «свой» след в истории города подобным же образом?

Кроме того, коль скоро речь идет о возобновлении использования исторического герба 1781 года, «которых осталось в России не так много и потому их сохранение очень важно» [1], то вопрос о его «адаптации» с исторической точки зрения не только некорректен, но и неуместен. Древность герба для его обладателя всегда являлась предметом особой гордости. Все изменения в нем, как правило, были обусловлены лишь пожалованиями владельцу.

Каким же видится решение проблемы с гербом Чебоксар? Ответ вполне очевиден: в сохранении и официальном использовании обоих гербов: и 1781, и 1969 годов. Для этого гербу Э.М. Юрьева муниципальным правовым актом необходимо придать статус исторического памятника и культурного наследия города и считать его таким же муниципальным символом Чебоксар, как и герб 1781 года. То есть сделать то, что в свое время было сделано в нашей стране в отношении Знамени Победы, которому был придан статус Государственного символа Российской Федерации. В соответствующем положении о муниципальных символах Чебоксар необходимо прописать случаи и порядок использования обоих гербов, а также городского флага и городского гимна. При этом никаких особых затрат предлагаемые меры не потребуют. Попытки же создания «адаптированного» герба Чебоксар, могли бы получить развитие в разработке геральдических символов районов столицы республики – Калининского, Ленинского и Московского.

Учитывая также, что 5 июня 2019 года исполняется 50 лет со дня принятия ныне используемого герба города, разработанного Э.М. Юрьевым, полагаю необходимым рассмотреть вопрос об учреждении в Чувашской Республике праздничной даты – Дня муниципальных символов Чувашской Республики – и ежегодно отмечать ее проведением различных общественных и научных мероприятий патриотической и историко-краеведческой направленности.

Список источников и литературы

1. Кириллова Р. Долгое возвращение к историческому гербу. Чебоксарский символ все еще не в регистре // [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://sovch.chuvashia.com/?p=184271> (дата обращения: 12.01.2019), свободный. Загл. с экрана. – Яз. рус.
2. Россия. Законы и постановления. Император Петр I. Об устройстве губерний и об определении в оныя правителей : Именной указ от 29 мая 1719 г. // Полное Собрание Законов Российской Империи : Собрание первое : С 1649 по 12 декабря 1825 года. - СПб. : Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е.И.В. Канцелярии, 1830. – Т.V.
3. Россия. Законы и постановления. Император Петр I. О именовании полков по провинциям, где квартировать будут; о подписывании патентов Ober-офицерам; о конфирмации

и учинении экзекуций по кригсрехтам; о предоставлении права полным Генералам производить в Ober-офицеры и давать отставку от службы и о почитании знатными дворянами людей достойных : Высочайшие резолюции на докладе Военной коллегии от 11 ноября 1724 г. // Полное Собрание Законов Российской Империи : Собрание первое : С 1649 по 12 декабря 1825 года. - СПб. : Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е.И.В. Канцелярии, 1830. – Т.VII.

4. Татарников, К. В. Знамена и гербы полков Российской армии царствований Екатерины I и Петра II (1725–1730) / К.В. Татарников // История военного дела: исследования и источники. Т. I. – 2012.

5. Соболева, Н. А. Старинные гербы российских городов / Н.А. Соболева. – М.: Наука, 1985.

6. Россия. Законы и постановления. Император Петр I. О сделании во всех Присутственных местах, для запечатывания судных дел, печатей : Сенатский указ от 10 августа 1724 г. // Полное Собрание Законов Российской Империи : Собрание первое : С 1649 по 12 декабря 1825 года. – СПб. : Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е.И.В. Канцелярии, 1830. – Т. VII.

7. РГАДА. Ф. 286. Оп. 1. Д. 387. Л. 8 об.

8. Дмитриев, В. Д. Документы по истории города Чебоксар XVI – XVIII веков / В. Д. Дмитриев // УЗ ЧНИИЯЛИЭ. Вып. XXI. – Чебоксары, 1962.

9. Пчелов, Е. В. Городская геральдика дореволюционной России: основные тенденции исторического развития // Вестник РГГУ. № 4 (37), 2018.

10. Лохвицкий, А. Губерния, ее земские и правительственные учреждения / А. Лохвицкий. Часть I (издание 2-е, измененное) – С.-Петербург: типография Ивана Бочкарева, 1864.

11. Державин, Г. Р. Записки из известных всем происшествий и подлинных дел, заключающих в себе жизнь Гаврилы Романовича Державина / Г.Р. Державин // Избранная проза. – М.: «Советская Россия», 1984.

12. Приволжские города и селения в Казанской Губернии : с картой р. Волги и рисунками / изд. Казан. губерн. статист. комитета. – Казань: Типография губернского правления, 1892.

13. Географическое описание реки Волги от Твери до Дмитриевска для путешествия Ея Императорского Величества по оной реке. [Сост. Стафенгаген И.И.]. – СПб.: Академия Наук, 1767.

14. Можаровский, А. Нечто из церковной археологии города Чебоксар. Исследование действительного члена Казанского общества археологии, истории и этнографии и члена-сотрудника Московского общества естествознания, антропологии и этнографии, Александра Можаровского. – Казань: Типография губернского правления, 1881. – 13 с.

15. Россия. Законы и постановления. Императрица Екатерина II. Об утверждении гербов городам Казанского наместничества : Высочайше утвержденный доклад Сената от 18 октября 1781 г. // Полное Собрание Законов Российской Империи : Собрание первое : С 1649 по 12 декабря 1825 года. – СПб. : Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е.И.В. Канцелярии, 1830. – Т. XXI.

16. Белевы путешествия через Россию в разные азиатския земли, а именно: в Испанган, в Пекин, в Дербент и Константинополь / Пер. с франц. яз. М. Попова. – Ч. 1. Путь в Персию и Китай. – СПб.: Императорская Академия Наук, 1776.

17. НА ЧГИГН. Архив В.Д. Дмитриева. Т.LXXXVI. Л.19 об.

18. Россия. Законы и постановления. Император Павел I. Об обращении состоящих по разным губерниям сокольных помытчиков в дворцовые крестьяне : Именной указ от 9 марта 1800 г. // Полное Собрание Законов Российской Империи : Собрание первое : С 1649 по 12 декабря 1825 года. – СПб. : Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е.И.В. Канцелярии, 1830. – Т.XXXVI.

19. Пчелов, Е. В. О символике сокола и соколиной охоты на Руси в связи с западными и восточными параллелями // Труды «Русской антропологической школы». Вып. 13. М.: РГГУ, 2013.

20. Пчелов, Е. В. Символика российских государственных регалий: цвета и числа // Вестник РГГУ. № 7, 2010.